

"Ко мне пришел пришелец ранним утром..."

* * *

В окне ателье заводной манекен что-то шьет,
еврейский портной, что старательно делает дело.
Он ручку машинки без усталости вертит умело
и, кажется, тихо под нос себе что-то поет.

Невидящим взглядом в себя лишь он смотрит, и вот
невидимых тканей мы слышим уже шелестенье.
И платьев невидимых блеск ослепит на мгновенье,
и глухой король тут поблизости где-то живет.

Для всех королей он нарядов неспешно нашьет,
а также их жен и детей ни за что не забудет.
А мимо проходят уставшие буднично люди,
и каждый наверное знает, зачем он живет.

Но здесь с выраженьем необщим лица тот сидит,
кто знает, зачем неживой он, и с тихой улыбкой
он вертит машинку, и тянется времени нитка.
И время под пальцем его словно ткань шелестит.

* * *

Здесь дом стоял и рухнул на исходе
отпущенных ему ста с лишним лет.
Тут продавали керосин и вроде
когда-то уголь, говорил сосед.

Теперь упал, и внутренности дома
наружу все — желтеет ракушняк.
Доска торчит — зияет рана слома,
уже трава растет сквозь боль и мрак.

Собаки спят на бедных тех останках,
стена стоит с глазницею окна.

Летит вишневый цвет, как будто манна
небесная, с утра и дотемна.

Летит вишневый цвет и покрывает
остывшей жизни мимолетный след.
Снега его так щедро засыпают,
листва желтеет, вишни сок пускают,
собаки спят, и смерти вовсе нет.

МЯО-ЦЗЫ

Ко мне пришел пришелец ранним утром,
прохладным, тихим, виноградным утром.
Сидел на крыше моего сарая,
мяукал тихо, что-то прозревая.

И был он весь, как дым густой и пепел
легчайший, а в глазах его был лепет
огня такого древнего и злого...
Янтарный отблеск зелья колдовского.

И получил он имя — Мяо-цзы.
На крыше он сидел в тени лозы
и размышлял о вечном и мгновенном,
о тленном мире и мирах нетленных...

Он сочинял легенды, сказки, песни,
рассказывал и пел без слов, и если
его брала на руки я, ворчал,
и лишний раз погладить не давал.

И вдруг исчез в один сентябрьский день,
когда вокруг играла светотень.
И душу старого кота забрал с собой —
кошачий серый ангел колдовской.

* * *

Сергей нашел немецкую каску с дырочками от пуль.
Ради смеха надел он ее на голову, и вдруг его захлестнул
поток чужого сознания и речи неведомой лязг.
И он закричал: "Мою голову прострелили!" — и разум его погас.
И снится ему, что лежит он в поле на чистом белом снегу,
но весь он пронзенный чужою болью: "Майн либен, я встать не могу!
Зачем я лежу на большом покрывале, холодном, как чья-то смерть?
Мою голову прострелили, ох майн Ленхен, майн херц!
Зачем я лежу здесь, подобно снегу, а мне еще нет тридцати.
Ведь если время приказывает нам быть, то пространство
приказывает идти!
Но я умираю, и снег накрывает белой меня простыней...
Я был поэтом, а не солдатом, я хотел вернуться домой.
Всегда мне казалось: надо мною витают ненаписанные стихи.
Но смерть говорит: "Это были пули!". Шаги ее так легки".

С Сергея сняли немецкую каску — зачем нам чужие грехи?
Он долгое время ходил, как блаженный, затем сел за стол
и начал писать стихи.

* * *

Вино и кровь, молоко и вода —
Они на Земле пребудут всегда.
Четыре жидкости — нет древней!
Налей мне воды, и вина налей!

Вино в крови у древних царей
Текло тем быстрее, чем кровь
горячей!

И были войны — алела кровь
В речной воде — вот таков улов.

Недаром в вино претворялась вода,
Недаром в кровь претворялось вино.
Тот прошел свой путь от воды до суда,
Кому это было дано!

И был Он как все молоком вскормлен —
Простым молоком земным.
И млечный туман тех простых времен
Развеялся словно дым...

Но только будут с нами всегда
Вино рассвета, заката кровь.
И день, прозрачный, словно вода,
И молоко облаков...

